Автор: Эльза Баркер
05.01.2019 15:12 - Обновлено 05.01.2019 15:32

Бог *есть, Бог* есть

Выписки из книги Баркер «Письма живого усопшего»

Однажды я шёл по вершине горы. Я говорю «шёл», хотя передвижение здесь не требует никаких усилий, но это почти то же самое.

На вершине горы я увидел человека, стоявшего в одиночестве. Он сосредоточенно вглядывался вдаль, но что он рассматривал, я не знаю. Он был совершенно погружён в себя или же в общение с кем-то, кого я не мог видеть.

Я остановился в ожидании. Наконец, глубоко вздохнув, ибо мы дышим здесь, он повернулся ко мне и сказал с доброй улыбкой:

— Не могу ли я тебе услужить, брат?

Я был смущён, чувствуя, что, может быть, помешал какому-то невидимому для меня общению.

— Если это не слишком смело с моей стороны, — сказал я, — я хотел бы спросить, о чём вы думали, стоя здесь и глядя в пространство?

Я чувствовал, что этого не следовало делать, но моё серьёзное желание научиться всему, доступному для меня, заслуживало прощения, и меня прощали.

У этого человека было прекрасное лицо без бороды и юношеский огонь в глазах. Одежда его говорила, что он очень мало думает о своей внешности.

Он посмотрел на меня молча и затем сказал:

— Я стремился приблизиться к Богу.

— А что есть Бог? — спросил я. — И где Бог?

Он улыбнулся. Я никогда не видел *такой* улыбки.

— Бог всюду, — ответил он. — Бог *есть* .

— Что же он такое? — настаивал я. И снова он повторил, но уже с другим ударением:

— *Бог* есть.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

— Бог *есть, Бог* есть, — повторил он.

Не знаю, каким путём передалось мне значение его слов, может быть, путём симпатии, но в моём сознании внезапно вспыхнуло, что когда он говорил: «Бог *есть*», он хотел выразить полнейшее осуществление Бога, какое только возможно для духа; а когда он говорил: « *Бог* есть», он хотел этим выразить, что ничего и не существует, кроме Бога.

По всей вероятности, то, что я чувствовал, отразилось на моём лице, судя по следующим словам святого:

— Разве ты сам не знаешь, что Он *есть* и что всё, что существует, есть *Он*?

— Я начинаю чувствовать, *что* вы подразумеваете, — ответил я, — хотя сам я могу чувствовать лишь очень слабо.

Он улыбнулся и ничего не ответил, но во мне роились вопросы.

— Когда вы были на Земле, часто ли думали о Боге? — спросил я.

— Всегда. Я очень мало думал о чём-нибудь ином. Я искал Его всюду, но только по временам вспыхивало во мне осознание Его истинной сути. Иногда, когда я молился, а молился я много, во мне возникал внезапный вопрос: кому ты молишься? И тогда вырывался громкий ответ: «Богу! Я молюсь Богу!» Но хотя я молился Ему ежедневно в течение многих лет, только временами вспыхивало во мне истинное сознание Бога. Но настал час (я был тогда совсем один, в лесу), когда пришло великое откровение. Оно пришло не в виде определённых слов, но, скорее, как безмолвное и без-образное чудо, слишком великое для ограниченной мысли. Я упал на землю и, вероятно, потерял сознание, так как через некоторое время — как долго, я не знаю — я пробудился и, поднявшись с земли, стал смотреть вокруг. И тогда я постепенно вспомнил пережитое; оно оказалось слишком величественным, превыше моих сил, когда я его испытывал.

Выразить это великое, слишком великое для моей смертной природы, я сумел только в таких словах: «Всё сущее, — есть Бог». Это оказалось так просто, а между тем эта простота должна включать и меня самого, и всех существ — людей и животных; и даже деревья, и птицы, и реки должны быть частью Бога, если *Бог есть всё*.

С этой минуты жизнь обрела для меня новое значение. Я не мог видеть человеческого лица, чтобы не вспомнить откровения — не вспомнить, что это человеческое существо есть часть Бога. Когда моя собака смотрела на меня, я говорил ей: «Ты тоже часть Бога». Когда я стоял на берегу реки и слушал шум воды, я говорил себе: «Я слушаю голос Бога». Когда кто-нибудь из моих ближних сердился на меня, я спрашивал себя: «Чем мог я оскорбить Бога?» Когда кто-нибудь обращался ко мне с любовью, я говорил: «Теперь Бог любит меня». И от этого сознания у меня захватывало дух. Жизнь становилась невообразимо прекрасной.

Я был так погружён в Бога и так стремился найти Его, что мало думал о своих ближних и пренебрегал даже теми, которые были ближе всего ко мне; но с этого дня я начал сближаться с моими братьями. И я убедился, что чем больше я искал Бога в них, тем чаще Бог отвечал мне через них. И жизнь становилась всё более чудесной и прекрасной.

Иногда я пытался передать другим то, что чувствовал сам, но они не всегда понимали меня. И тогда я начал постигать, что Бог намеренно, по причине, известной Ему одному, скрывал Себя за покровами. Может быть, для того, чтобы радоваться, разрывая их? Если так, я решил помочь Ему, насколько хватит моих сил, и я стремился помочь другим людям познать Бога так, как я сам познал Его. В течение многих лет я учил людей.

Автор: Эльза Баркер
05.01.2019 15:12 - Обновлено 05.01.2019 15:32

Вначале мне хотелось учить всех. Но вскоре я убедился, что это невозможно, и тогда избрал немногих, которые называли себя моими учениками. Я просил их не говорить, что они мои ученики, но убеждал их передавать другим то знание, которое я давал им. И таким образом, не я один, а многие постепенно приобщались к тому чуду, которое было мне открыто в тот день, когда я стоял в одиночестве, в лесу, и пробудился к сознанию, что Бог *есть, Бог* есть.

Сказав это, святой повернулся и оставил меня со всеми моими вопросами. Я хотел спросить его, когда и как он покинул Землю и какое дело делает здесь, но он ушёл.

Может быть, я увижу его снова когда-нибудь. Но увижу я его или не увижу, он дал мне нечто, что я, в свою очередь, отдаю вам, как он сам хотел отдавать своё знание миру.

Когда я говорю о «романтичности», я имею в виду очарование бытия, тот магический оттенок, который окрашивает серый лик жизни в розовый цвет.

Очаровательна эта возможность мечтать и осуществлять свою мечту, ибо здесь осуществление происходит одновременно с возникновением мечты. Всё здесь так реально, воображение так могуче, и способность соединять явления так велика — почти безгранична!

Мечтатели здесь никогда не бывают праздными, ибо наши мечтания — это своего рода строительство; а если бы этого даже и не было, мы имеем право делать, что нам вздумается. Мы заслужили свой отдых. Труд у нас впереди.

Поймите, на Земле тратится больше энергии, чтобы поставить одну тяжёлую ногу впереди другой тяжёлой ноги и продвинуть весящее около двухсот фунтов тело на одну милю, чем здесь требуется для того, чтобы обойти весь свет! Это даст вам понятие о том избытке энергии, который мы имеем здесь для того, чтобы радоваться и строить грёзы.

Очень возможно, что вы на Земле работаете слишком много — более чем это действительно необходимо. Всё это множество ненужных вещей, которые вы нагромождаете вокруг себя, искусственные нужды, которые вы порождаете, головокружительный темп ваших жизней, чтобы добыть все эти вещи, кажутся здесь чем-то нелепым и даже жалким. Ваша политическая экономия не более чем детская игра, ваши государственные учреждения — хитроумные машины для создания ненужных вещей, большая часть вашей работы бесполезна, и вся ваша жизнь была бы почти бесплодной, если бы через великие страдания ваши души, хотя и против воли, не познали, что большая часть их стремлений тщетна.

Это так интересно — посылать свои мысли вспять, год за годом, жизнь за жизнью, столетие за столетием назад и всё время назад, пока не увидишь себя... черепахой! Но можно также смотреть и вперёд, всё выше и выше, жизнь за жизнью, столетие за столетием, эон [1] за эоном, пока не узнаешь себя в Архангеле. Всматривание назад есть память, всматривание вперёд есть творчество. Несомненно, мы творим своё собственное будущее. Кто, кроме нас, мог бы сделать это? На нас влияют, нас двигают и толкают, нам помогают и нас задерживают другие, но только мы сами куем звенья бесконечной цепи нашего существования. Мы завязываем узлы, которые впоследствии придётся развязывать, зачастую с таким трудом и недоумением.

Автор: Эльза Баркер
05.01.2019 15:12 - Обновлено 05.01.2019 15:32

Это хорошо, что вы приняли к сердцу мой совет оставаться время от времени без дела и знакомиться со своей собственной душой. Много неожиданного — впереди у того, кто решается добровольно исследовать свою душу. Душа — не блуждающий огонёк, она — маяк, помогающий избегать подводных рифов материализма и забвения.

Я испытал много радости, просматривая в памяти свои греческие воплощения. Какое сосредоточенье было у этих греков! Они знали очень много. Например, воды Леты — какая это глубокая концепция, принесённая с этого берега могучей памятью!

Если бы человек непрестанно стремился вспоминать, если бы он посвящал время анализу того, что было, можно было бы надеяться на более значительное будущее для него! Разве вы не знаете, что человек может стать богом или тем, кто, по сравнению с обыкновенным человечеством, обладает всеми признаками и величием бога? «Вы боги» было сказано не только в иносказательном смысле.

Как ни странно, здесь можно встретить таких, кто тоскует по Земле, подобно тому, как некоторые земные поэты и мечтатели тоскуют по внутренней жизни.

Это употребление терминов «внешний» и «внутренний» может показаться неясным, но следует помнить, что вам нужно войти *внутрь* себя, чтобы достигнуть нас, а нам нужно выйти *из себя*, чтобы достигнуть вас.

В нормальном состоянии мы переживаем здесь то, что можно назвать субъективной жизнью. Мы становимся всё более и более объективными, по мере того как приближаемся к вашему миру, вы же становитесь всё более субъективными, по мере того как приближаетесь к нашему миру. Если бы вы это ясно сознавали, то могли бы почти во всякое время навещать нас на несколько мгновений — при условии достаточно глубокого проникновения в самих себя.

---

[1] Эон (греч.) — период времени, эпоха.